

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В.ЛОМОНОСОВА

на правах рукописи

КОРФ Ольга Викторовна

**МЕДИАТЕКСТ КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ
ДИСКУРСА В ПОЛИТИЧЕСКОМ КОНФЛИКТЕ
(НА ПРИМЕРЕ КОНФЛИКТА 1994-1996 ГГ.
В ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ)**

Специальность 23.00.02 – политические институты, этнополитическая
конфликтология, национальные и политические процессы и технологии

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата политических наук

Москва, 2009

Работа выполнена на кафедре политического анализа факультета государственного управления Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Научный руководитель:

доктор филологических наук,
профессор Л.В. Минаева

Официальные оппоненты:

доктор политических наук,
профессор А.Н. Чумиков

доктор философских наук,
профессор В.С. Комаровский

Ведущая организация:

Казанский государственный технический
университет («КАИ») имени А.Н. Туполева

Защита состоится «**25**» марта 2009 года в 17.00 на заседании диссертационного совета Д.501.001.27 при Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова по адресу: 119991, Москва, Ломоносовский просп., д.27, корп.4, аудитория А-619.

С диссертацией можно ознакомиться в читальном зале Фундаментальной библиотеки МГУ им. М.В. Ломоносова (Ломоносовский пр., д. 27)

Автореферат разослан «**16**» февраля 2009 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
доктор политических наук

Г.В. Пушкарева

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Современный мир дал наглядные доказательства нового позиционирования СМИ, ставших основным институтом формирования информационного общества и источником соответствующих трансформаций политического дизайна власти. Презентация социальных событий медиа средствами придает им политический характер. Медиадискурс превратился в решающую форму отправления публичной власти. Перераспределяя инфопотоки и меняя интенсивность коммуникаций, СМИ заняли центральное место в организации и структурировании политических процессов в современном обществе.

Масштабы и характер происходящих в сфере медиа-коммуникации изменений дают основания говорить о становлении информационного общества как новой ступени формирования поля политики со своими собственными тенденциями и закономерностями. Одновременно приходится признать и повышение роли коммуникативных, речевых и иных инструментов обработки политической информации и ее главной единицы - текста.

По сути, сегодня СМИ – это социальный институт, который обеспечивает политическое взаимодействие общественных акторов в текстовом формате, который модифицирует восприятие человеком политических позиций, влияет на мотивацию и стимулы активности гражданской аудитории. При этом политические деятели подвержены воздействию СМИ в не меньшей степени, чем широкие массы. Текстовая деятельность (как деятельность по созданию материала, предназначенного для публикации), оформляя и презентуя медиа события, выражая те или иные авторские приоритеты, интерпретируя интересы и, в конечном счете, создавая разнообразные медиатексты, предстает едва ли не важнейшим средством регулирования политической коммуникации разных социальных аудиторий и инструментом балансирования групповых интересов, источником побуждения их активности, средством поиска компромиссов.

Таким образом, медийные тексты в настоящее время становятся ключевыми инструментами организации политической деятельности и

формирования контактов в сфере власти. Как показывает опыт, в современном российском обществе в процессе сращивания сфер массовой информации и политики технические средства перемещения информации превращают тексты массовой информации даже в некую неконтролируемую властью самостоятельную политическую силу, что требует адекватного теоретического отображения их места и роли в политическом процессе.

Учитывая сложное переплетение медиа- и политических процессов, уточнение научных представлений о месте и роли медиатекстов становится возможным лишь на основании описания их как лингво-семантического, так и собственно политического содержания. Не случайно в последнее время в политической коммуникативистике стало закрепляться и обогащаться понятие «язык массовой коммуникации», в котором все отчетливее проявляются зависимости политических процессов от текстовых параметров медиасообщений, особенностей речеупотребления, символических (отражающих культурное содержание этих феноменов) и других знаково-языковых свойств. Иначе говоря, усиление внимания к семантическим основаниям функционирования медиатекста обусловлено его позиционированием как важнейшей единицы организации политического дискурса, отображения им медиатизированной социально-политической сущности индивида.

Однако, как известно, политический дискурс является формой как стабильных, так и конфликтных политических процессов. Для России роль политического дискурса в конфликтных ситуациях представляет особый интерес, так как ее территория стала местом концентрации глобальных и региональных противоречий. Наибольшую опасность для страны представляет нарастающее внешнее давление, направленное на отторжение части ее территорий, что впервые после второй мировой войны стало представлять реальную угрозу территориальной целостности РФ.

Сказанное демонстрирует не только важность принятия во внимание специфики формирования политического дискурса в условиях конфликта, но и

отражает потребность в разработке особой исследовательской оптики, отображающей соответствующую роль медиатекстов. Понимание базовых параметров медиатекстов и особенностей их функционирования в конфликтном дискурсивном пространстве позволит оптимизировать средства снижения политической напряженности, понять новые возможности снятия противоречий конкурирующих сторон даже на силовых фазах развертывания конфликта.

Характер освещения военных действий и политических конфликтов в современных средствах массовой коммуникации относится к числу сложных социально-политических вопросов, которые привлекают в последние годы повышенное внимание политиков, историков, философов, социологов и лингвистов. Интерес к этой междисциплинарной проблеме обусловлен тем, что СМИ являются одним из способов инициирования, предотвращения и урегулирования конфликтов. Правда, эта регуляция носит весьма противоречивый характер: СМИ могут обострять или сглаживать ход развития конфликтов, способствовать эскалации напряженности или участвовать в процессе умиротворения и восстановления после завершения конфликта.

В этом плане деятельность СМИ во время затяжного вооруженного конфликта в Российской Федерации на территории Чеченской республики заслуживает особого внимания. Стремление ЧРИ к образованию суверенного государства поставило под угрозу территориальную целостность России. Этот регион стал наиболее уязвимым узлом северокавказских проблем и эпицентром борьбы мировых держав за передел сфер влияния в Северокавказском регионе. Исследуя конфликт в Чечне, с точки зрения становления новых форм политической деятельности институтов власти и СМИ, возможно понять ряд тенденций в формировании государственной информационной политики в связи с развертыванием конфликтного политического дискурса, отразить политическую роль текстов в локализации противоречий, зафиксировать возможности применения новых языковых технологий при построении массовых коммуникаций, увидеть особенности проведения информационно-

манипуляционных и психологических операций, проводимых параллельно с боевыми действиями.

Степень научной разработанности проблемы. Проблематика взаимодействия средств массовой информации и политических институтов, организации массовой политической коммуникации и конструирования политического дискурса является актуальной для исследователей различных научных направлений. И все же ощущается нехватка специализированных научных исследований, посвященных изучению места и роли медиатекста как средства формирования дискурса в политическом конфликте.

Политическая коммуникация и политический дискурс становятся предметом рассмотрения в работах Базылева В.Н., Грачева М.Н., Грушевской Т.М., Желтухиной М.Р., Комаровского В.С., Лобзы Е.В., Малышевой Я., Мироновой Н.Н., Михалевой О.Л., Соловьева А.И., Ухвановой-Шмыговой И.Ф., Шейгал Е.И., Бэйли П., Бэла В., Брауна Г., Дуэца Д., Фэйрклафа Н., Фельдмана О., Торфинга Дж., Виддоусана Х.Г. и др.¹ Особое

¹ Базылев В.Н. Политический дискурс // Эффективная коммуникация: история, теория, практика: Словарь-справочник / Отв. редактор М.И.Панов. – М.: ООО «Агентство «КРПА Олимп», 2005; Баранов А.Н., Казакевич У.Г. Парламентские дебаты: традиции и инновации. Советский политический язык (от ритуала к метафоре) – М., 1991; Воробьев Л.Б. Национальная специфика языковой образности: Монография. – Псков, 2003; Воробьева О.И. Политический язык: семантика, таксономия, функции: дисс. ... д-ра филолог. наук. – М., 2000; Гаврилова М.В. Политический дискурс как объект лингвистического анализа. – Полис. 2004, №2; Герасименко Н.А. Информация и фасциация в политическом дискурсе // Политический дискурс в России – 2 / Под ред. Ю.А.Сорокина и В.Н.Базылева. – М., 1998; Грачев М.Н. Политическая коммуникация: теоретико-методологический анализ: дисс. ... д-ра полит. наук: 23.00.01- Москва, 2005; Грушевская Т.М. Политический дискурс в аспекте газетного текста. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2002; Желтухина М.Р. Комическое в политическом дискурсе к. XX в.: Русские и немецкие политики: Монография. – М.-Волгоград, 2000; Ильин М.В. Политический дискурс: слова и смыслы (Государство) // Полис. 1994. № 1; Карасик В.И. Структура институционального дискурса // Проблемы речевой коммуникации. – Саратов, 2000; Комаровский В.С. Государственная служба и СМИ. – Воронеж. Издательство им. Е.А.Болховитинова, 2003; Политическая коммуникация в постсоветской России: проблемы формирования и парадигмы развития: 3 Всерос. конгресс политологов «Выборы в России и рос. Выбор». Секция «Полит. коммуникация», Москва, 28-29 апр. 2003 г. / [Науч. ред. и сост. Тимофеева Л.Н., Лобза Е.В.] - Улан-Удэ : Респ. тип., 2003; Малышева Я. Власть и общество: проблемы русского политического дискурса // Периодическая печать России: типологические и профильные особенности. – М., 2000; Миронова Н.Н. Дискурс-анализ оценочной семантики. – М., 1997; Михалева О.Л. Политический дискурс как сфера реализации манипулятивного воздействия. дисс. ... канд. филол. Наук: 10.02.01. – М.: РГБ, 2005; Попова Е.А. Политический дискурс как предмет культурно-лингвистического изучения // Языковая личность: проблемы значения и смысла: Сб. науч. тр. – Волгоград: Перемена, 1994; Русакова О.Ф. Дискурс, политический дискурс, политическая дискурология // Многообразие политического дискурса. – Екатеринбург: УрО РАН, 2004; Соловьев А.И. Политическая коммуникация: к проблеме теоретической идентификации. // Полис, 3 июля, 2002; Степанов Ю.С. Альтернативный мир, дискурс, факт и принцип причинности // Язык и наука конца 20 в. – М., 1995; Ухванова-Шмыгова И.Ф. Методология исследований политического дискурса: Актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов. – Вып.1 – Минск, 1998; Шейгал Е.И. Семантика политического дискурса: автореф. ... д-ра филолог. наук. – Волгоград, 2000; Bayley P. Live oratory in the television age: The language of formal speeches //

место занимают исследования Арутюновой Н.Д., Степанова Ю.С., Дейка Ван Т., Фуко М., Барски Р.Ф., Фиске Дж., Холла С. в области лингво-семантических основ политической коммуникации².

Особую значимость для целей диссертационного исследования имели концепции медиатекста и массовой информации, характеризуя их универсальные, коммуникативно-функциональные и лингво-семантические составляющие, и раскрывающие собственно политические и медийные особенности массовой коммуникации. Проблемами функционирования языка в сфере массовой коммуникации занимались такие ученые, как Добросклонская Т.Г., Засурский И.И., Майданова Л.М., МакКормак Дж., Почепцов Г.Г., Рогозина И.В., Сметанина С.И., Херманн М.К., Шиллер Г., Бэлл А., Корнер Дж., Фиске Дж., Холл С., Люггер Х.-Х., МакЛюэн М., Смит Мартин А., Тоффлер Ал. и др.³

G. Ragazzini, D.R.B.P. Miller eds. Campaign language: Language, image, myth in the U.S. presidential elections 1984. – Bologna: Cooperativa Libreria Universitaria Editrice Bologna, 1985; Bell V. Negotiation in the workplace: The view from a political linguist // A. Firth ed. The discourse of negotiation: Studies of language in the workplace. – Oxford etc.: Pergamon, 1995; Brown G. Yule. G Discourse analysis. Cambridge university press. 1983; Chilton, P. and C. Schaffer. Discourse and Politics. In T. A. van Dijk (ed.), Discourse Studies. A Multidisciplinary Introduction. vol. 2: Discourse as Social Interaction. London, 1997; Duez D. Silent and non-silent pauses in three speech styles // Language and Society, 1982, vol. 25, № 1; Fairclough N. Language and power. – London: Longman. 1989; Politically speaking: a worldwide examination of language used in the public sphere / Ed. by O.Feldman. New York, 1998; Gimson, W. A. Talking Politics. Cambridge, Cambridge University Press. 1992; Stubbs M. Discourse analysis: the sociolinguistic analysis of language. Cambridge University Press. 1983; Torfing J. Discourse Theory: Achievements, Arguments, and Challenges. – Howard D., Torfing J. (eds.) Discourse theory in European Politics: identity, policy and governance. N.Y.; Widdowson H.G. Explorations in applied linguistics. Oxford university press. 1979.

² Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры: Сборник / Общ. Ред. Н.Д.Арутюновой и М.А.Журиной. – М.: Прогресс, 1990; Степанов Ю.С. Альтернативный мир, дискурс, факт и принципы причинности // Язык и наука конца XX века. – М., 1995; Дейк Ван Т. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989; Фуко М. Археология знания: Пер. с. Фр. / Общ. Ред. Бр.Левченко. – Киев.: Ника-Центр, 1996; Barseky, R.F. Discourse analysis. 1997; Fiske, J. Television Culture. London: Routledge 1987; Hall, S. Encoding, decoding in the television discourse. In Hall, S., Hobson, D. & Lowe, P. (eds). Culture, Media, Language. London: Hutchinson, 1980.

³ Добросклонская Т.Г. Вопросы изучения медиа-текстов (опыт исследования современной английской медиаречи). Изд. 2-е, стереотипное. – М.: Едиториал УРСС, 2005; Головкин Б.Н. Теория и практика социально-лингвистического моделирования и распространения текстов масс-медиа в информационном пространстве России : автореферат дисс. ... д-ра филолог. наук : 10.01.10 / Ин-т повышения квалификации работников телевидения и радиовещания. – Москва, 2004; Ершова Т.В. Концептуальные вопросы перехода к информационному обществу XXI века, 1999; Засурский И.И. Масс-медиа второй республики. М.: изд-во МГУ, 1999; Майданова Л.М. Структура и композиция газетного текста: Средства выразительного письма. Красноярск, 1987; МакКормак Дж. Средства массовой информации в странах СНГ. Анализ политической, законодательной и социально-экономической структур. Под ред. Дж. МакКормака. – Европейский Институт средств массовой информации, Германия, 1999; Пищальникова В.А., Лукашевич Е.В. Когнитивизм как новая методология семантических исследований // Когнитивные исследования в языковедении и зарубежной психологии. Барнаул: Изд-во АГУ, 2001; Попова А.В. План содержания текста СМИ в фокусе внимания теории коммуникации // Методология исследований политического дискурса. Вып. 1 / Под общ. ред. И.Ф. Ухвановой-Шмыговой. Мн.: БГУ, 1998; Почепцов Г.Г. Информационные войны. – М.: Рефл-бук, К.: Ваклер, 2001;

Однако некоторые сущностные стороны данного объекта не получили в современной науке системного научного осмысления. В первую, очередь это касается отсутствия общепринятого определения понятия «медiateкст» и его позиционирования в политическом пространстве.

Становление понятия «медiateкст» тесно связано с развитием ключевой для лингвистики концепции текста, а также его универсальных и политических аспектов. Важными источниками в этой области явились работы, Барта Р., Лакоффа Г., Джонсона Г., Дейка ван Т., Белянина В.П., Воробьева Л.Б., Гальперина И.Р., Дридзе Т.М., Леонтьева А.А., Москальской О.И., Рогозиной И.В., Шахнаровича А.М., Бабенко Л.Г. и др.⁴

Междисциплинарный характер диссертационного исследования потребовал обращения к работам в области конфликтологии. Изучение

Рогозина И.В. Медиа картина мира: когнитивно-семиотический аспект. Дисс. д-ра филолог.наук. 10.02.19. – М. РГБ 2005; Сметанина С.И. Медиа-текст в системе культуры (динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века): Научное издание. – СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 2002; Соловьев А.И. Политические коммуникации. – М.:Аспект Пресс, 2004; Херманн М.К. Политическая коммуникация: воздействие средств массовой информации на общество в современных государствах. Конференция «Свободные средства массовой информации» в Московской школе политических наук. 09.12.2000; Чернышова Т.В. Тексты СМИ в ментально-языковом пространстве современной России : дисс.... д-ра филолог. наук : 10.02.01. – Барнаул, 2005; Швицунова А. СМИ как субъект политического процесса и инструмент политических технологий. http://www.pressclub.host.ru/techn_13.htm; Шевченко А.Ю. Дискурс-анализ политических медiateкстов.// Полис, 6 января, 2002; Шидлер Г. Манипуляторы сознанием : Пер. с англ. / Предисл. Я. Засурского. - М. : Мысль, 1980; Bell A. Approaches to media discourse. London, 1996; Corner J. Documentary television: the scope for media linguistics. In AILA Review, 1995; Fiske, J. Television Culture. London: Routledge 1987; Hall, S. Encoding, decoding in the television discourse. In Hall, S., Hobson, D. & Lowe, P. (eds). Culture, Media, Language. London: Hutchinson, 1980; Luger H.-H. Pressesprache. – Tübingen: Niemeyer, 1995; McLuhan M. Understanding Media. 1967; Smith, Martin A. Russia and NATO since 1991 : from Cold War through cold peace to partnership? London ; Routledge 2006; Toffler Al. Powershift: Knowledge, wealth, violence at the edge of the 21st cent. - New York etc.: Bantam books , 1990.

⁴ Бабенко Л.Г. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика. 2-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2004; Барт Р. Лингвистика текста // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 8. Лингвистика текста. – М.: Прогресс. 1978; Белянин В.П. Психолингвистические аспекты художественного текста. – М.: МГУ, 1998; Воробьев Л.Б. Национальная специфика языковой образности: Монография. – Псков, 2003; Выготский Л.С. Психология развития человека. - М. : Смысл , 2003; Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. - Изд. 4-е, стер. Москва: URSS, 2006; Дейк ван Т. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989; Дридзе Т.М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации: Пробл. Семиотики и психологии. - М.: Наука , 1984; Зимняя И.А. Предметный план речевой деятельности. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та , 1988; Каменская О.Л. Текст и коммуникация: - М. : Высш. шк. , 1990; Капнельсон С.Д. Типология языкового и речевого мышления. Л.: Наука, 1972; Леонтьев А.А.Язык, речь, речевая деятельность. - Изд. 4-е, стер.- М.: URSS , 2007; Лихачев Д.С. Текстология: краткий очерк. – Изд. 2-е. Москва: Наука , 2006; Майданова Л.М. Структура и композиция газетного текста: Средства выразительного письма. Красноярск, 1987; Маслова В.А. Лингвокультурология; 2-е изд., стереотип. – М.: Издательский центр «Академия», 2004; Москальская О.И. Грамматика текста. – М.:Высшая школа. 1981; Рогозина И.В. Медиа картина мира: когнитивно-семиотический аспект. Дисс. д-ра филолог.наук. 10.02.19. – М. РГБ 2005; Сорокин Ю.А. Текст как психолингвистическая реальность: (Сб. ст.) - М.: ИЯЗ , 1982; Шахнарович А.М. Общая психолингвистика: Учеб. Пособие. Ун-т Рос. акад. образования, Фак. иностр. яз. - М. : Изд-во РОУ, 1995; Lakoff, G. and M. Johnson. Metaphors we Live by. - Chicago: University of Chicago Press, 1999.

конфликта как общественного феномена является одной из наиболее интенсивно развивающихся областей современного научного знания и практической деятельности, объединяющей интересы и усилия представителей различных научных дисциплин, таких как политология, социология, философия, общая и прикладная психология, право⁵.

Для настоящей работы особое значение имеют политологические исследования и, прежде всего, труды Дарендорфа Р., Здравомыслова А.Г., Козера Л., Фельдмана Д.М.⁶. Именно они служат тем интеллектуальным и идейным фоном, на котором происходит возникновение и становление отрасли знаний о месте, роли, природе и динамике политического конфликта, а также об управлении политическими конфликтами. Заметным вкладом в разработку этого аспекта стали также труды Авксентьева В.А., Гриценко Г.Д., Дмитриева А.В., Блищенко В., Бродяля Х., Глуховой А.В., Козырева Г.И., Ратникова В.П., Тимофеевой Л.Н., Арона Р., Боулдинга Р., Бречера В., Холсти К., Раппопорта А. и др.⁷

Безусловно, в условиях резкого обострения межнациональных отношений в Советском Союзе во второй половине 80-х – начале 90-х гг., возникновения очагов локальных войн, распада единого многонационального государства,

⁵ Гумплович Л. Общее учение о государстве. Пер. со 2-го нем. изд. со вступ. очерком, примеч. и доп. ст. Ив. Н. Нероветского - Санкт-Петербург: Тип. т-ва "Общественная польза", 1910; Ковалевский М.М. Очерк происхождения и развития семьи и собственности. Пер. с фр. М. Иолшина. - Изд. 2-е, стер. Москва: УРСС, 2007; Миллс Ч. Социологическое воображение. Пер. с англ. О. А. Оберемко - М.: Изд. дом "Стратегия", 1998; Парсонс Т. Система современных обществ. Пер. с англ. Л. А. Седова и А. Д. Ковалева; Науч. ред. пер. М. С. Ковалева - М.: Аспект Пресс, 1998; Сорокин П.А. Заметки социолога. - СПб.: Алетейя, 2000; Спенсер Г. Опыты научные, политические и философские. Пер. с англ. под ред. Н. А. Рубакина - М.: Совр. литератор, 1998; Чичерин Б.Н. Философия права: Сборник - СПб.: Наука, 1998.

⁶ Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы: Пер. с нем. М.: Изд. «Российская политическая энциклопедия», 2002; Здравомыслов А.Г. Социология конфликта. М.: Аспект Пресс. 1996; Coser L. The function of social conflict. Clencoe, 1956; Фельдман Д.М. Политология конфликта. М.: Издательский дом «Стратегия», 1998.

⁷ Авксентьев В.А., Гриценко Г.Д., Дмитриев А.В. Региональная конфликтология: экспертное мнение/ Под. ред. Чл.-корр. РАН М.К. Горшкова. - М.: Альфа-М, 2007; Блищенко В. Региональные конфликты: методология исследования // http://www.gau.su/observer/N7_2005/7_11.NTM. 30.01.2007; Богатуров А.Д., Косолапов Н.Н., Хрусталев М.А. Очерки теории и политического анализа международных отношений. М., 2002; Бродяль Х. Девять ступеней вниз, или Сороры—конфликты—войны // Знание – сила. 1991. № 11; Глухова А.В. Политическая конфликтология перед новыми вызовами / Под. ред. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2001; Козырев Г.И. Политическая конфликтология. – М.: ИД «Форум»: ИНФРА-М, 2008; Тимофеева Л.Н. Политический конфликт. – Москва: Изд-во РАГС, 2008; Aron R. Paix et guerre entre les nation. Paris. 1996; Boulding R. Conflict and defence. A general theory. N.Y., 1962; Brecher V., Wilkenfeld J., The ethnic dimension of international crisis // Wars in the midst of Peace: The international politics of ethnic conflicts / Ed. by D.Carnet, P.James. Pittsburg, PA, 1997; Dahl R.A. Democracy and its Critics. New Haven and London. 1989; Holsti K. Peace and War. Armed conflict and International Order, 1945-1989. Cambridge (Mass.). NY, 1991; Rapoport A. Fights, games and debates. Ann-Arbor. 1960.

пристальное внимание ученых к проблемам возникновения, протекания, а главное, предотвращения и урегулирования конфликтов выглядит вполне оправдано. Политические конфликты в России и ее регионах рассматриваются в работах Блищенко В., Здравомыслова А.Г., Согрина В.В., Тишкова В.А., Чачия А.⁸ Существенной для темы диссертационной работы является концепция вооруженного конфликта, изучаемая в работах Богатурова А.Д., Косолапова Н.Н., Хрусталева М.А., Холсти К.⁹ и др. Отдельную группу составляют исследования по проблемам чеченского конфликта¹⁰. Первостепенное значение для диссертационного исследования имеют немногочисленные работы, посвященные изучению роли СМИ в процессе урегулирования политического конфликта¹¹.

⁸ Авксентьев В.А., Гриценко Г.Д., Дмитриев А.В. Региональная конфликтология: экспертное мнение / Под. ред. Чл.-корр. РАН М.К. Горшкова. – М.: Альфа-М, 2007; Блищенко В. Региональные конфликты: методология исследования // http://www.rau.su/observer/N7_2005/7_11.NTM. 30.01.2007; Здравомыслов А.Г. Межнациональные конфликты в постсоветском пространстве. – М., 1997; Здравомыслов А.Г. Культурная ситуация в России и проблема конфликтов // Взаимодействие политических и национально-этнических конфликтов. (Материалы международного симпозиума 18-20 апреля 1994 г.). Часть 1. – М.: РНИСиНП, Фонд Фридриха Эберта, ЦСАМК, Агентство "Информарт", 1994; Согрин В.В. Политическая история современной России. 1985-2001: от Горбачева до Путина. М., 2001; Тангиев М.Х. Политический конфликт в современной России: причины и особенности феномена: дисс.... канд. полит. Наук. 23.00.02. – М.: 2005; Тишков В.А. Очерки теории и политики этничности в России. – М., 1997; Чачия А. Россия должна осознавать себя центром самодостаточной евразийской цивилизации. // www.kreml.org 19.10.2005.

⁹ Блищенко В. Региональные конфликты: методология исследования // http://www.rau.su/observer/N72005/7_11.NTM. 30.01.2007; Богатуров А.Д., Косолапов Н.Н., Хрусталева М.А. Очерки теории и политического анализа международных отношений. М., 2002; Holsti K. Peace and War. Armed conflict and International Order, 1945-1989. Cambridge (Mass.). NY, 1991.

¹⁰ Авксентьев В.А., Гриценко Г.Д., Дмитриев А.В. Региональная конфликтология: экспертное мнение / Под. ред. Чл.-корр. РАН М.К. Горшкова. – М.: Альфа-М, 2007; Востриков С.В. Урегулирование конфликтов в ближнем зарубежье в разработке стратегии России. // Полис, 5 октября, 1999; Гаджиев К. Геополитика Кавказа. М., 2001; Гакаев Д.Д. Чеченский кризис: новая фаза развития и терроризма // Современный терроризм: состояние и перспективы. – М.: 2000; Гродненский Н.Н. Неоконченная война: История вооруженного конфликта в Чечне. Мн.: Харвест, 2004; Кадыров А.А. Российско-чеченский конфликт. Генезис, сущность, пути решения: дисс.... канд. полит. наук: 23.00.02. – М., 2003; Мяло К. Россия и последние войны XX века. М.: Вече, 2001; Новикова Т.В. Сильная стратегия слабых. Террор в конце XX века. // Полис, 1 февраля, 2000; Рубан Л. Чеченский узел кавказского кризиса. – М., 2002; Ткаченко В.В. Чеченский конфликт: политико-правовые механизмы урегулирования: дисс. ... канд. юридических наук : 23.00.02 / Рост. юрид. ин-т МВД РФ, Ростов-на-Дону, 2004; Трошев Г. Моя война. Чеченский дневник окопного генерала. М.: Вагрус, 2001; Война в Чечне: кризис федеральной власти: М.: 1995; Современная ситуация на Северном Кавказе // Серия: проблемы национальной безопасности/ Аналитический вестник Совета Федерации ФС РФ. -2005. -№ 11 // <http://www.budgetrf.ru/Publications/Magazines/VestnikSF/2005/vestniksf263-11030.htm#p3>. 30.01.2007; Gall C., de Waal T. Chechnya. Calamity in the Caucasus. – N.Y. University Press, 1998; Информационная война в Чечне. Факты, документы, свидетельства. – М., 1997.

¹¹ Виршлю П. Информационная бомба. М., 2001; Ждобилов А.О. Медиа-пространство Закавказья и его роль в политической стабильности региона: дисс.... канд. полит. наук.: 10.01.10 – СПб, 2005; Жуков И.В. Критический анализ дискурса печатных СМИ: особенности освещения северокавказского конфликта 1998-2000 гг. : дисс. ... канд. филолог. наук : 10.02.19. – Тверь, 2002; Калоева И.Э. Особенности освещения в СМИ вооруженных конфликтов: Чеченская республика: 1994-2004 гг.: дисс. ... канд. полит. наук : 10.01.10. – Санкт-Петербург, 2004; Лисичкин В.А., Шелестин Л.А. Третья мировая информационно-психологическая война. М., 1999; Резник А.Н. Информационное противоборство в условиях вооруженного конфликта: Содержание, технология, тенденции : дисс. ... канд. полит. наук : 23.00.02. – Москва, 2004; Свищицкая Н.П. Средства массовой

Цель исследования - определить место медиатекста в формировании политического дискурса в условиях конфликта, осветить его политическую роль, раскрыть его когнитивные, лингво-семантические, информационные, риторические и структурные особенности. В данном контексте цель работы подразумевает выявление дискурсивных особенностей текстов массой коммуникации, создаваемых политическими акторами, заинтересованными в урегулировании конфликтной ситуации.

Данная цель предполагает постановку и решение следующих задач:

- 1) уточнить сущность и понятийное содержание политического дискурса, развивающегося в рамках конфликтного взаимодействия;
- 2) теоретически описать характер позиционирования медиатекста в политическом дискурсе;
- 3) охарактеризовать информационно-коммуникативный, когнитивный, лингво-семантический и другие аспекты медиатекста как инструмента формирования политического дискурса;
- 4) осветить дискурсивные особенности политических конфликтов на всех этапах их протекания; теоретически описать технологии формирования политического дискурса российскими СМИ в условиях конфликта;
- 5) выявить политический потенциал медиатекста как инструмента формирования публичного дискурса в ходе военной кампании в Чеченской республике в период с 1994 по 1996 гг.

Объект исследования – медиатекст как инструмент формирования политического дискурса и его функционирование в условиях политического конфликта.

информации как фактор поиска конструктивных решений в урегулировании региональной конфликтности. <http://www.politesch.ru/33108>; Шампань П. Делать мнение: новая политическая игра / Пер. с фр. М., 1997; Шурхало Д. СМИ в вооруженных конфликтах современности. Киев, 1999; Currel, James. Mass Media and Society. New York, 1991; Morrison David. Television and the gulf war. London Review of Books, 1992; Morrison, David. Journalists at war - the Dynamics of new reporting in the falklands conflict. London Review of Books, 1988; Philip Taylor. War and Media: Propaganda and Persuasion in the gulf war. New York, 1991, Журналистика и война: освещение российскими СМИ военных действий в Чечне/ Под ред. А.Г.Рихтера. - М., 1995; Журналисты на Чеченской войне. Факты, документы, свидетельства. - М., 1995.

Предмет исследования – медиатексты российских средств массовой информации, использовавшиеся в процессе вооруженного конфликта в ходе первой военной кампании в Чеченской Республике (1994-1996 гг.).

Методологическую основу диссертации составляет совокупность приемов и способов научного анализа, целесообразность применения которых определяется поставленными целями и задачами данного исследования. В связи с тем, что дискурсивные особенности политических конфликтов возможно рассматривать лишь на междисциплинарном уровне, то основным методом анализа эмпирического материала является критический дискурс-анализ, разработанный Т. Фон Ван Дейком, Н. Фэйрклафом и Р. Водаком, позволяющий исследовать объект в совокупности когнитивного, лингво-семантического, коммуникативно-функционального и политического аспектов. Наряду с основным методом критического дискурс-анализа в работе используются исторический и социо-культурный, институциональный и структурно-функциональный методы, а также иные способы отображения действительности.

Эмпирической базой данного исследования послужили тексты российских средств массовой информации о Чеченском конфликте 1994-1996 гг., в частности материалы периодической печати первой половины – середины 1990-х гг. («Аргументы и факты», «Известия», «Комсомольская правда», «Красная звезда», «Московские новости», «Московский Комсомолец», «Независимое военное обозрение», «Российская газета» и др.), видеоматериалы российских электронных СМИ (телеканалы ОРТ, РТР, НТВ), а также нормативно-правовые документы (Конституция РФ, Указы Президента РФ, постановления Правительства РФ). Обращение к подобным источникам позволяет проследить отношение отечественных средств массовой информации к вооруженному противостоянию в Чечне, выявить тональность освещения военных действий и функциональную нагрузку медиатекстов, отражающих события войны. Кроме того, представляется возможным сравнить точки зрения

официальных властей и СМИ на проблему взаимоотношений федерального центра и региона.

Основные результаты, полученные лично автором и составляющие научную новизну исследования, состоят в следующем:

1. Определено место и роль медиатекста как инструмента формирования политического дискурса в конфликтом взаимодействии политических субъектов, выявлены возможные направления его конструктивного использования в разрешении и преодолении конфликтных ситуаций.
2. На основе обобщения классических и современных теоретико-методологических подходов дана характеристика медиатекста в единстве его коммуникативных, когнитивных, лингво-семантических и структурных параметров.
3. Теоретически описан характер позиционирования медиатекста в российском политическом дискурсе в условиях конфликтного взаимодействия.
4. С привлечением метода критического дискурс-анализа предложена модель формирования политического дискурса российскими средствами массовой коммуникации в ходе первой военной кампании в Чеченской Республике.

Теоретическая и научно-практическая значимость исследования.

Основные выводы и результаты исследования уточняют теоретические представления о политическом дискурсе, развивающемся в условиях конфликта, и роли медиатекстов в его формировании. Данные теоретические итоги могут быть использованы при дальнейшем анализе процессов урегулирования политических конфликтов и формировании политического дискурса. Результаты диссертационного исследования могут быть также использованы в учебном процессе, при чтении лекционных курсов и спецкурсов по государственному управлению, политологии и ряде других

дисциплин гуманитарного цикла. В диссертации также даны конкретные рекомендации по созданию и использованию медиатекста как инструмента формирования дискурса в политическом конфликте, которые могут быть полезны при разработке стратегии и тактики урегулирования разнообразных политических конфликтов.

Апробация результатов исследования. Основные идеи и положения диссертационного исследования были представлены на ряде конференций, а также изложены в шести публикациях общим объемом более 2 п.л.

Работа обсуждена на кафедре политического анализа факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова и рекомендована к защите.

Структура диссертационной работы обусловлена предметом, целью и задачами исследования. Она состоит из введения, двух глав, и заключения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во Введении обоснована актуальность темы исследования, определены цели и задачи, предмет и объект работы, степень разработанности избранной темы, охарактеризованы методологическая основа и эмпирическая база, выявлена новизна и научно-практическая значимость исследования.

В первой главе «Медиатекст в структуре политического дискурса» рассматриваются понятия политического дискурса и медиатекста, раскрываются теоретико-методологические основы исследования, характеризующие современные подходы к определению роли и места медиатекста в структуре политического дискурса.

В §1 «Сущность и понятие политического дискурса» автор обращается к анализу существующих в научной литературе теоретических подходов к пониманию дискурса, а также места и роли дискурсивного подхода в осмыслении специфики концептуализации мира средствами массовой

коммуникации. В работе анализируются два основных подхода к определению понятия «дискурс». Первый подход определяет дискурс как форму выражения, в которую может быть вложено любое содержание, либо как метаязык, соответствующий определенному ментальному миру. Такое понимание дискурса становится актуальным при его изучении в качестве инструмента манипуляции словом, посредника власти, средства понимания и договоренности. Второй подход акцентирует внимание на внутренней организации элементов текста, тем самым, определяя дискурс как связанный текст, группу высказываний, связанных между собой по смыслу. Данное понимание дискурса позволяет проводить его эмпирический анализ, исследовать его отдельные элементы для выявления специфики и особенностей функционирования дискурса в отдельно взятой сфере.

В работе диссертант трактует дискурс как связанный текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами. Автором предлагается определение дискурса как сложного коммуникативного явления, представляющего собой совокупность вербальных текстов, объединенных существенными признаками, включенными в когнитивную сеть и детерминированных экстралингвистическими факторами.

В работе проводится анализ прагматических и вербальных компонентов дискурса. Схема прагматического понимания дискурса отражает исходный контекст коммуникации, изменяющийся при совершении речевого акта (события и действия, произошедшие непосредственно перед речевым актом, информация, аккумулированная в отношении более ранних событий). Вербальная составляющая дискурса предполагает стремление коммуникатора использовать оптимальные пути речевого воздействия на реципиента, а также ориентацию на понимание реципиентом истинных интенций и скрытых приемов языкового манипулирования. Изучение вербальных особенностей политического дискурса – его языковых приемов и структуры позволяет выделить ряд субдискурсов, отличительными признаками которых являются

характер акторов (коммуникатора и реципиента), ситуация (официальная/неофициальная) и характер связи (непосредственная/опосредованная).

При интерпретации политического дискурса автор солидаризируется с представлениями тех ученых, которые трактуют его как знаковое образование, имеющее реальное и виртуальное измерения: в реальном измерении он понимается как текст к конкретной ситуации политического общения, а в виртуальном – включает вербальные и невербальные знаки, ориентированные на сопровождение сферы политической коммуникации. Автором выделяются пять субдискурсных типов политического дискурса, исходя из характеристик коммуникатора и реципиента, ситуации, в которой разворачивается дискурс, и характера связей: профессионально-политический, внутривнутриполитический, политико-агитационный, политико-бытовой и медиа-политический субдискурсы. Общественное предназначение медиа-политического дискурса диссертант видит во внушении коммуникатором (коллективным профессиональным носителем политического языка) реципиенту (массовому непрофессиональному носителю политического языка – гражданам) необходимости конкретных действий и/или оценок, а также в выработке политического консенсуса, принятия и обоснования социально-политических решений.

В §2 «Политическое позиционирование медиатекста» автором дается теоретическое описание феномена медиатизации политики, при котором наблюдается слияние политического дискурса и дискурса масс-медиа, расширение символического пространства СМИ в политической жизни.

В качестве основной коммуникативной единицы медиа-политического субдискурса рассматривается медиатекст, исследуемый с позиций междисциплинарного анализа, дополненного коммуникативной, лингвистической, когнитивной и социокультурной парадигмами. Медиатекст определяется диссертантом как произведение речи с явно выраженной прагматической направленностью, ориентированное на формирование

политического дискурса в системе средств массовой коммуникации и политической регуляции общественных отношений.

В работе констатируется, что медиатекст по своей социальной значимости количественно доминирует над всеми другими видами текстов, что повышает его роль и значение в политической коммуникации. Автор выделяет следующие политические функции медиатекста: моделирование отношений с общественностью, артикуляция общественных интересов, политическая социализация, формирования общественного мнения, а также информационная, контрольная, инновационная и мобилизационная функции.

Средства массовой коммуникации характеризуются как влиятельный коммуникатор, действующий в процессе политического представительства интересов граждан, что наделяет их всеми политическими и идеологическими возможностями, чтобы служить различным политическим целям того или иного актора. В данной связи автор отмечает, что, используя свой ресурсный потенциал, они могут реально способствовать выработке информационного курса, направленного на консолидацию общества и формирование общенациональной идеи. И, наоборот, стимулировать рост социальной напряженности, дискредитировать институты гражданского общества, отчуждать их от государства, укоренять в массовом сознании стереотип недоверия к структурам демократии. Автор замечает, что правильность понимания реципиентом медиатекста обеспечивается не только языковыми средствами, но и коммуникативным фоном и политической осведомленностью граждан.

Глава вторая «Медиасопровождение политических конфликтов» посвящена анализу места и роли политического дискурса в конфликтных ситуациях, являющихся важным элементом системы социально-экономических и политических отношений в человеческом обществе. Автор раскрывает основные причины политических конфликтов в постсоветской России, подробно анализирует медиасопровождение первого вооруженного конфликта в Чеченской республике (1994-1996 гг.).

В §1 «Дискурсивные особенности политических конфликтов» рассматривается сущность и содержание политических конфликтов в рамках их дискурсивного измерения. В этой связи подчеркивается, что любой современный конфликт предполагает формирование медиа-политического субдискурса. В этой связи автор анализирует специфику освещения политических событий средствами массовой информации, их влияния на развитии конфликтной ситуации, конструктивный и деструктивный потенциал, а также технологии, используемые для усиления или ослабления эмоционального воздействия на аудиторию при освещении событий в зоне конфликта.

Используя в качестве основной теорию развития конфликта Бродаля Х., автор отмечает, что на первой фазе конфликта, превалирует консенсусный медиа-политический субдискурс, характеризующийся тем, что стороны уже осознают существование напряжения и противостояния в своих отношениях, но еще способны бесконфликтно преодолеть противоречия и найти совместное решение с помощью переговоров, основной целью которых является стремление убедить противоположную сторону.

Обращаясь к потенциалу использования медиатекста как инструмента урегулирования конфликта, автор заключает, что на первой фазе акторы конфликта используют его как инструмент сглаживания противоречий, позволяющий аргументировать позицию сторон, и способствующий переносу событий в сторону общественного суждения. На этой стадии медиатекст становится отражением реального переговорного процесса, осуществляемого участниками конфликтной ситуации; он только отражает происходящие события, но еще не акцентирует противоречия.

В условиях нарастания конфликта дискуссии постепенно превращаются в словесную битву, переговорный процесс заходит в тупик, политические методы истощают свой потенциал, мнения становятся полярными. Конфликт переходит во вторую фазу, в которой споры доходят до крайности, складываются стереотипы, словесные атаки становятся все откровеннее, при

этом постоянно акцентируется морально-этическое содержание происходящего, продуцируются мифы и используются пропагандистские конструкции, оказывающие существенное влияние на сознание общественности. Собственные достоинства всячески преувеличиваются, а образ оппонента наделяется негативными чертами. На этой стадии стороны уже используют угрозы как средство давления, зачастую провоцируя еще более сильную ответную реакцию. Автор заключает, что на втором этапе медиатекст становится инструментом создания виртуальной реальности, выгодной той или иной стороне. По содержанию он становится более агрессивным и начинает активно влиять на различные параметры общественного мнения.

Постепенная утрата коммуникации сторон провоцирует ощущение страха, что, в свою очередь, приводит к третьей фазе – военному конфликту, в котором используются любые коммуникационные средства с целью манипулирования чужой волей. На данном этапе, по мнению автора, медиатекст в полной мере реализует свой потенциал как инструмент формирования общественного мнения.

Диссертант отмечает, что медиатекст обладает как позитивным, так и негативным потенциалом в освещении политических конфликтов. Реализация позитивного потенциала медиатекста раскрывает возможности для ведения диалога конфликтующими сторонами, для информирования населения о причинах и возможных последствиях развития конфликта, а также о результатах поиска оптимальных решений в ситуациях межнациональной напряженности. Деструктивное использование медиатекстов способствует нарастанию степени напряженности между конфликтующими сторонами; закреплению в массовом сознании негативных национальных стереотипов, препятствующих формированию установок толерантности и взаимопонимания, формированию чувства страха, недоверия, обреченности, препятствующих выстраиванию диалога между сторонами, затягивающих конфликт.

Теоретическое обобщение технологий формирования политического дискурса в условиях конфликта позволило автору сделать следующие выводы.

Во-первых, политическая система в целях обеспечения стабильности и рационального развития общества обязана иметь механизм адаптации к объективно происходящим переменам в среде, ей предстоит определить и нормативно закрепить в этом механизме место для средств массовой информации. Во-вторых, первичной потребностью политической системы становится управление дискурсивными составляющими конфликта и создание для этого важнейших предпосылок: институализация конфликта (установление норм и правил его разрешения), структурирование групп (создание условий для проявления и организационного закрепления коллективных субъектов конфликтного противостояния). В-третьих, роль медиатекаста в этом процессе определяется его участием в диагностике стадии протекания конфликта, выражением позиций субъектов конфликта, в осуществлении информационного противоборства оппонентов, а также в реализации политического маневрирования как способа управления конфликтом.

В §2 «Политические конфликты в постсоветской России» автор исследует комплекс основных факторов, обусловивших развитие конфликтной ситуации в 1994 – 1996 гг. на Северном Кавказе, описывает характер этого противостояния, выделяя в качестве одной из важнейших его особенностей отсутствие единой позиции по чеченскому вопросу в мировом сообществе и международных организациях, оставившее широкий простор для двойственных трактовок тех или иных событий в медиатексте, а также для действий, так или иначе поддерживающих одну из противоборствующих сторон. Диссертант утверждает, что в данном случае медийность означала не повышение уровня информированности общества, а, наоборот, перенасыщение медийного поля стереотипами и специфическими образами.

Одной из наиболее сложных проблем изучения конфликтов на Северном Кавказе, по мнению автора, является отсутствие точной идентификации участников (сторон) конфликта, так как обстоятельства, сопровождавшие протекание двух военных кампаний в Чеченской Республике, не позволяют однозначно определить рассматриваемый конфликт как противостояние по

линии «федеральный центр – сепаратисты» или, в еще меньшей степени, «колония – метрополия». В случае с военным противостоянием на территории Чечни речь идет о сложной системе взаимоотношений между различными этническими и религиозными общностями, группировками центральных и региональных элит (как политических, так и экономических), криминальными формированиями и другими социальными группами. При этом прямые участники конфликта (федеральный центр и чеченские сепаратисты) в ходе военного противостояния 1994–1996 гг. претерпели своеобразное «размывание», фактически «перемешавшись» с косвенными участниками (странами Запада и мусульманского мира).

Оценивая способы разрешения военного конфликта в Чеченской республике, автор приходит к выводу, что переговоры как инструмент преодоления противоречий показал свою неэффективность. Особо отмечается неопределенность и непоследовательность решений, принятых и одобренных сторонами в процессе переговоров.

В §3 «Особенности медиасопровождения регионального вооруженного конфликта (на примере Чеченского конфликта 1994-1996 гг.)» автор обращается к описанию специфики взаимоотношений СМИ и политики, сложившихся в России в рассматриваемый период. Анализируя характер представления событий, сопровождавших военный конфликт в Чеченской Республике (1994-1996гг.) в российских средствах массовой информации, диссертант обращает внимание на ряд особенностей положения СМИ в российской политике, сложившихся с момента распада СССР к середине 1990-х годов.

Во-первых, в условиях сложного социально-экономического положения рынок медиа-продукции не был сформирован, хотя именно в этот период российский СМИ обладали гораздо большей свободой в освещении политических событий и подаче информации, чем на современном этапе. Во-вторых, не представляется возможным достоверно определить политическую позицию СМИ («проправительственные», «оппозиционные», «пророссийские»,

«прочеченские» и пр.) в освещении военного конфликта. Данное положение СМИ диссертант объясняет «идеологическим вакуумом», сложившемся после распада СССР и падения коммунистической идеологии, что породило неоднозначность и противоречивость оценок конфликта и действий сторон на всех уровнях политической коммуникации. Таким образом, автор констатирует, что информационная борьба в ходе первой чеченской кампании стала своеобразной «войной с неопределенной линией фронта и размытыми тылами». В-третьих, на момент начала первого чеченского военного конфликта российские СМИ не обладали необходимым опытом в освещении военных действий «в прямом эфире», что невыгодно отличало их, например, от американских электронных СМИ, создавших концепцию освещения подобных событий в ходе операции «Буря в пустыне», а затем использовавших уже отработанные методы во время вооруженного противостояния в бывшей Югославии. Кроме того, вооруженный конфликт в Чечне привлек внимание журналистов только на той стадии, когда военное противостояние стало необратимым. В соответствии с этапизацией Бродяля, СМИ подключились к освещению конфликта на третьей фазе, когда стороны постепенно исчерпывают аргументы и настаивают на неизменности своих позиций.

Давая оценку морально-этическому аспекту деятельности журналистов в освещении чеченского вооруженного конфликта, автор подчеркивает, что будучи, по сути, «четвертой властью», представители СМИ оставались лишь частью российского общества середины 1990-х годов, переживающего все сложности переходного этапа, жесточайшего кризиса системы социально-экономических и политических отношений. У российских СМИ отсутствовал кодекс, регулирующий формы и методы подачи информации военного характера.

Отсутствие единой, четко сформулированной позиции у российской политической и военной элиты относительно чеченской проблемы порождало крайнюю поляризацию мнений и неоднозначность оценок. По мнению автора, за период первой чеченской военной кампании российскими СМИ не было

создано гомогенного медиатекста, с помощью которого власть получила бы реальные рычаги, позволяющие манипулировать общественными настроениями. Основной причиной такому положению дел послужило отсутствие внятной позиции государственной власти в отношении управления чеченской проблемой. Политическая неразбериха препятствовала формированию четких дискурсивных очертаний медиатекста российскими СМИ (например, противостоявшие Российской Армии силы именовались и «боевиками», и «сепаратистами», и «дудаевцами», и «повстанцами»). В политическом дискурсе СМИ в период первой чеченской войны укоренилась метафора «зачистка», номинирующая жесткие проверки чеченских сел с целью выявления и уничтожения боевиков.

Проведенный диссертантом критический дискурс-анализ медиатекстов периода 1994-1996 гг. продемонстрировал, что российские СМИ так и не стали в ходе конфликта самостоятельной силой, полноценной «четвертой властью». Лавирование в потоках рыночных отношений превратило медиатекст в достаточно эффективное орудие в руках сил, наделенных значительными финансовыми и политическими ресурсами. При этом четкое определение данных сил (выражаясь точнее, прямых и косвенных участников конфликта на Северном Кавказе) представляется крайне сложной задачей для современного исследователя. В результате реальное влияние медиатекста на урегулирование вооруженного конфликта в Чеченской Республике было весьма ограниченным. С другой стороны, автор отмечает, что, вскрывая очевидные проблемы федеральных сил, описывая серьезные жертвы и разрушения, сопровождавшие боевые действия, пресса и телевидение оказывали постоянное информационное давление на власть и общество, подводя миллионы людей к мысли о необходимости разрешения конфликтной ситуации, желательно мирным путем. Российская власть реагировала на подобные вызовы только в тех случаях, когда они соответствовали политической конъюнктуре, что обусловило подписание Хасавюртовских соглашений.

В исследовании отмечается, что первая Чеченская война проходила в период, когда население было деморализовано очевидным политическим коллапсом системы и нарастающими экономическими трудностями, что также предопределяло ее негативные итоги. Неопределенность государственных институтов и слабость правоохранительных органов не способствовали тогда консолидации общества и мирному решению противоречий. Автор приходит к выводу, что медиатекст как институт политического дискурса оказался малоэффективным, так как в этот период государство отдало ряд своих информационных полномочий вновь образованным независимым структурам, которые самостоятельно определяли свою информационную политику, что отражалось в направлении деятельности СМИ. Ввиду того, что причины начала военных действий правительством однозначно не объяснялись, журналисты были психологически и технически не готовы к освещению военных событий, и отношение к военной кампании было неоднозначным.

Военное противостояние представляет собой сложный процесс, в котором наличие проигравшей стороны не всегда означает наличие ярко выраженного победителя. В случае с информационной борьбой, ставшей составной частью первой чеченской кампании, не представляется возможным однозначно утверждать, что данную борьбу выиграли представители боевиков. У сепаратистов отсутствовала концепция поведения на информационном поле и продуманных целей послевоенного мира, их заявления больше напоминали стремление властей бывших колоний, так и не избавившихся от советского менталитета, навредить бывшей метрополии.

Российское руководство, действуя непоследовательно с самого начала вооруженного конфликта, не единожды уронив свой имидж в глазах российской и мировой общественности, не сделало затем почти ничего для его восстановления. Российские СМИ оказались в сложном положении: демократические идеалы, обладавшие в середине 1990-х гг. определенной притягательностью, требовали объективного и непредвзятого освещения событий с учетом мнений обеих противоборствующих сторон, а условия

свободного рынка и ожесточенной конкуренции подразумевали необходимость добиваться прибыли, заполняя эфир и первые полосы прессы эксклюзивным материалом.

Кроме этого, поднимать сильно пошатнувшийся престиж Российской Армии в рассматриваемый период было явно «немодно», а делать это за свой счет российские масс-медиа по понятным причинам не стремились. Как показал анализ, собственно военные издания, подобные газете «Красная звезда», реагировали на изменения ситуации несколько аморфно, занимаясь, скорее, рефлексией по поводу своих неудач, чем непосредственно информационным обеспечением действий федеральных сил. В подобных условиях поражение центра в «войне за смыслы» было практически предопределено, а главным проигравшим по итогам первой чеченской кампании оказался российский народ, вынужденный в непростой экономической ситуации оплачивать существование новой «черной дыры» на карте страны, а затем и неизбежное продолжение вооруженного конфликта.

В **Заключении** подводятся итоги и делаются обобщающие выводы, полученные в ходе исследования медиатекста как инструмента формирования дискурса в политическом конфликте.

**Основные положения диссертационного исследования изложены
в следующих публикациях автора:**

*Публикации в периодических научных изданиях, рекомендованных
Высшей аттестационной комиссией Российской Федерации:*

1. Корф О.В. Об особенностях медиасопровождения первой Чеченской войны // Власть. М., 2008, № 10. – 0,5 п.л.

Другие публикации:

2. Корф О.В. Выступление политического лидера как элемент кризисной коммуникации // Коммуникация и конструирование социальных реальностей: сборник научных статей. - СПб.: Роза мира, 2006. – 0.5. п.л.;
3. Корф О.В. Политический конфликт в современной России. // Теория и практика управления: новые подходы: Сб. статей / МГУ им. М.В.Ломоносова факультет госуд. упр. Вып. 7. – М.: Университетский гуманитарный лицей. 2007. – 0.3. п.л.;
4. Корф О.В. Теоретические аспекты исследования медиатекстов как элемента политического дискурса // Восточные языки и культуры: материалы I Международной научной конференции, 22-23 ноября 2007 года / [отв. ред. Рукодельникова М. Б., Газиева И. А.]. – М.: Изд-во Российского гос. гуманитарного ун-та, 2007.– 0.3. п.л.;
5. Корф О.В. О мифологизации политической коммуникации // VII-я студенческо-аспирантская научно-практическая конференция «Актуальные проблемы теории и практики управления» (21 – 22 октября 2006 г.): Сборник материалов. – М.: МАКС Пресс, 2008. – 0.3. п.л.;
6. Корф О.В. Политическая значимость медиатекста в языковой картине мира. // Мир-Язык-Человек. Материалы международной научно-практической конференции (27-29 марта 2008г.), посвященной 45-летию факультета иностранных языков. - Владимир: ВГУ, 2008. – 0.3. п.л.

Отпечатано в копицентре «СТ ПРИНТ»
Москва, Ленинские горы, МГУ, 1 Гуманитарный корпус.
www.stprint.ru e-mail: globus9393338@yandex.ru тел.: 939-33-38
Тираж 70 экз. Подписано в печать 11.02.2009 г.